

Джеффри Бушнелл

**Перу. От ранних охотников
до империи инков**

«Центрполиграф»

Бушнелл Д.

Перу. От ранних охотников до империи инков / Д. Бушнелл —
«Центрполиграф»,

В книге исследуется история древнейшей цивилизации на территории Центральных Анд, рассматриваются особенности развития перуанской культуры, характерными чертами которой стали ирригация, архитектура, ткачество. Автор представляет основные этапы преобразования этой загадочной цивилизации из общества ранних охотников в великую империю инков.

Содержание

От автора	5
Глава 1	7
Место Перу в Древней Америке	10
История исследований на территории Перу	11
Датирование и хронология	13
Характер перуанской цивилизации	17
Глава 2	20
Глава 3	22
Глава 4	26
Ранний созидательный период, или период Культа	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Джеффри Бушнелл

Перу. От ранних охотников до империи инков

От автора

За последние годы мы стали знать о Древнем Перу гораздо больше, и львиная доля этой новой информации изложена в статьях и брошюрах, изданных университетами, музеями и научными учреждениями в Соединенных Штатах или же распространенных среди частных лиц в Перу. Почти все эти публикации не доступны никому, кроме нескольких специализированных библиотек, но не все из них могут быть найдены там. Р.А. Минс издал общую работу под названием «Древние цивилизации Анд» в Соединенных Штатах в 1931 г., но самой последней книгой такого рода была изданная еще в 1912 г. в Великобритании замечательная «Южноамериканская археология» Т.А. Джойса. Обе работы содержат много материала, который стоит прочитать, но что касается фактов, то они уже очень устарели. Имеется также превосходный общий обзор перуанской археологии в «Истории культуры Анд» Беннетта и Берда, и я ей очень обязан, но она была издана непосредственно перед тем, как стали известны первые результаты датирования, осуществленного с помощью радиоуглеродного анализа. Будучи музейным учебником, эта книга не имеет широкого распространения даже в Соединенных Штатах. Все эти источники, собрания музеев в Великобритании, Франции и Соединенных Штатах, а также посещения Перу в 1938-м и 1951 гг., очень помогли в написании этой книги.

Глиняная посуда и другие предметы средних и поздних археологических культурных слоев в избытке представлены в музеях Великобритании и других стран, и их фотографии для иллюстраций было легко получить, но материалы более ранних культур, несколько лет назад бывших еще неизвестными, являются очень редкими вне Перу.

По этой причине я особенно благодарен моему другу сеньору Рафаэлю Ларко Ойлу, живущему в Лиме и на гасиенде в Чиклине, около Трухильо, за великолепные фотографии глиняной посуды из Куписнике, Салинар, Виру или Гальиназо и других мест, которые разнообразили и обогатили список наших иллюстраций.

Эти предметы находятся в частном музее его семьи в Чиклин, и не только их открытие, но также и само наше знание культур, к которым они принадлежат, в значительной степени является его собственной заслугой. Если бы не его любезность, не было бы никакой возможности проиллюстрировать ранние периоды чем-нибудь подобным.

Я также благодарен музею в университете Филадельфии, Парижскому музею антропологии за разрешение к опубликованию фотографий, материалов или негативов, находящихся в их владении. Я очень обязан г-ну Адриану Дигби, хранителю отдела этнографии Британского музея, за помощь в связи с фотографированием объектов, находящихся в отделе.

Доктор Ирвинг Роус из Йельского университета любезно получил для меня разрешение воспроизвести рельеф из Чавина, показанный на рис. 4, а доктор Дж. Х. Роув из Калифорнийского университета столь же доброжелательно позволил мне воспроизвести рисунок сосудов, изображенных на рис. 10.

Я хотел бы выразить свою благодарность госпоже Глен Дэниел за личный интерес, проявленный в опубликовании многих рисунков и карты.

Моя благодарность также относится и к г-ну Л.Р. Морли, фотографу Музея археологии и этнологии Кембриджского университета, за умение и терпение, проявленные им при съемке многих предметов из этого музея.

Уместно закончить это предисловие данью памяти Уэнделлу К. Беннетту, производившему раскопки во многих различных частях Перу и Боливии. Его знания, которыми он щедро делился, были и широки и глубоки. Его многочисленные друзья будут долго помнить своего мудрого наставника, любезного и веселого компаньона.

Дж. Х. С. Б.

Глава 1

Введение

То, что мы подразумеваем под Древним Перу, географически является не совсем той же самой территорией, что и современное государство Перу, хотя их границы в некоторых участках приближаются друг к другу. В них включена высокогорная Боливия, но большая часть лесистой низменной области к востоку от Анд, которая теперь находится в пределах этого государства, не принадлежит к его древней территории. В данных границах Древнее Перу представляло собой область цивилизации, в соответствии с долговременной общей традицией часто называвшуюся археологами Центральными Андами.

В мире не много областей и регионов, где столь короткая поездка преподносит путешественнику такие изменения в климате и топографии, как на территории Перу. На западе это прибрежная равнина, одна из великих пустынь мира, где на мили тянутся опалемые солнцем камни и дюны в форме полумесяца. Жизнь была бы здесь невозможна, если бы не речные долины, пересекающие ее с востока на запад, где древние народы, по сравнению с их преемниками до весьма недавних времен, орошали большую по размерам территорию. Для путешественника, который летит над побережьем, эти долины кажутся последовательностью узких зеленых полосок среди больших пространств желтого и коричневого цвета; они весьма различны по размеру, хотя самые большие из них преимущественно находятся на севере.

Короткое продвижение далее – и видны предгорья Анд, а если посмотреть далеко ввысь, то в ясный день можно заметить один из покрытых ледяной шапкой пиков Западных Кордильер. Многие из этих долин носят привычные названия для перуанской археологии, среди них Чикама, Моче и Виру на севере, Чанкай в центре и Чинча, Ика и Наска на юге. Иногда долины отделены друг от друга не только полосами пустыни, но также и скалистыми горами. И в результате этого культура каждой из них развивалась до некоторой степени изолированно, хотя в течение времени некоторые племена были способны поработать своих соседей и прибавлять таким образом к своей долине еще одну, особенно на севере, где больший размер долин способствовал развитию мощных племен.

Тут важно помнить, что вся вода долины прибывала из единственного источника – реки и что это обстоятельство вынуждало жителей объединяться до тех пор, пока население не увеличилось настолько, что могло уже распадаться на отдельные группы. Поскольку ирригационная система развивалась, появилась необходимость организовывать людей не только для того, чтобы строить и обслуживать каналы, но также и для того, чтобы следить за справедливым распределением воды. И следствием этого было в нескольких случаях появление высокоцентрализованного типа государства. Хотя топографический контраст между горами и прибрежной равниной очень большой, это различие, часто в меньшей степени, чем пустыни и камни побережья, препятствовало распространению культуры, хотя сами народы, должно быть, сохранили свое постоянное место жительства на тех высотах, на которых они впервые появились на свет.

Гористый регион, формирующий основу этой области, очень неоднороден. Ниже высоких гор, с их покрытыми снегами пиками, идут равнины высокогорья Анд, называемые пунами, с многочисленными речными долинами, большинство из них довольно крутые и узкие. Немногие люди могут жить в этих долинах, есть только шесть областей, которые могли бы обеспечивать жизнь больших групп людей в древние времена. С севера на юг это бассейн Кахамарки, Кальехон-де-Уайлас, которая питает водой долину реки Санта, а также части долины реки Манта-таро, бассейн Куско и смежные долины, высокие равнины к северо-западу от озера Титикака и Боливийское плато к юго-востоку от него. Пуны обычно покрыты травой, и, хотя они лежат на такой высоте, что, когда солнце отворачивается от них, холод пронзает любого привыкшего к

более низким областям, они создают идеальные условия для стад лам и альпака, представляющих большую ценность для местных жителей.

Что же касается доступа воды, то здесь очевиден контраст с побережьем. Тут и регулярные дожди, и многочисленные водные источники, доступные в каждой области. Нет никакой исключительной зависимости от ирригации, хотя некоторые из террас, сформированных на крутых склонах для расширения ограниченной области, доступной для культивирования, увлажнялись с помощью обложенных камнями каналов, берущих свое начало от ручьев. Таким образом, не существовало никакой причины, принуждавшей людей объединяться в большие сообщества.

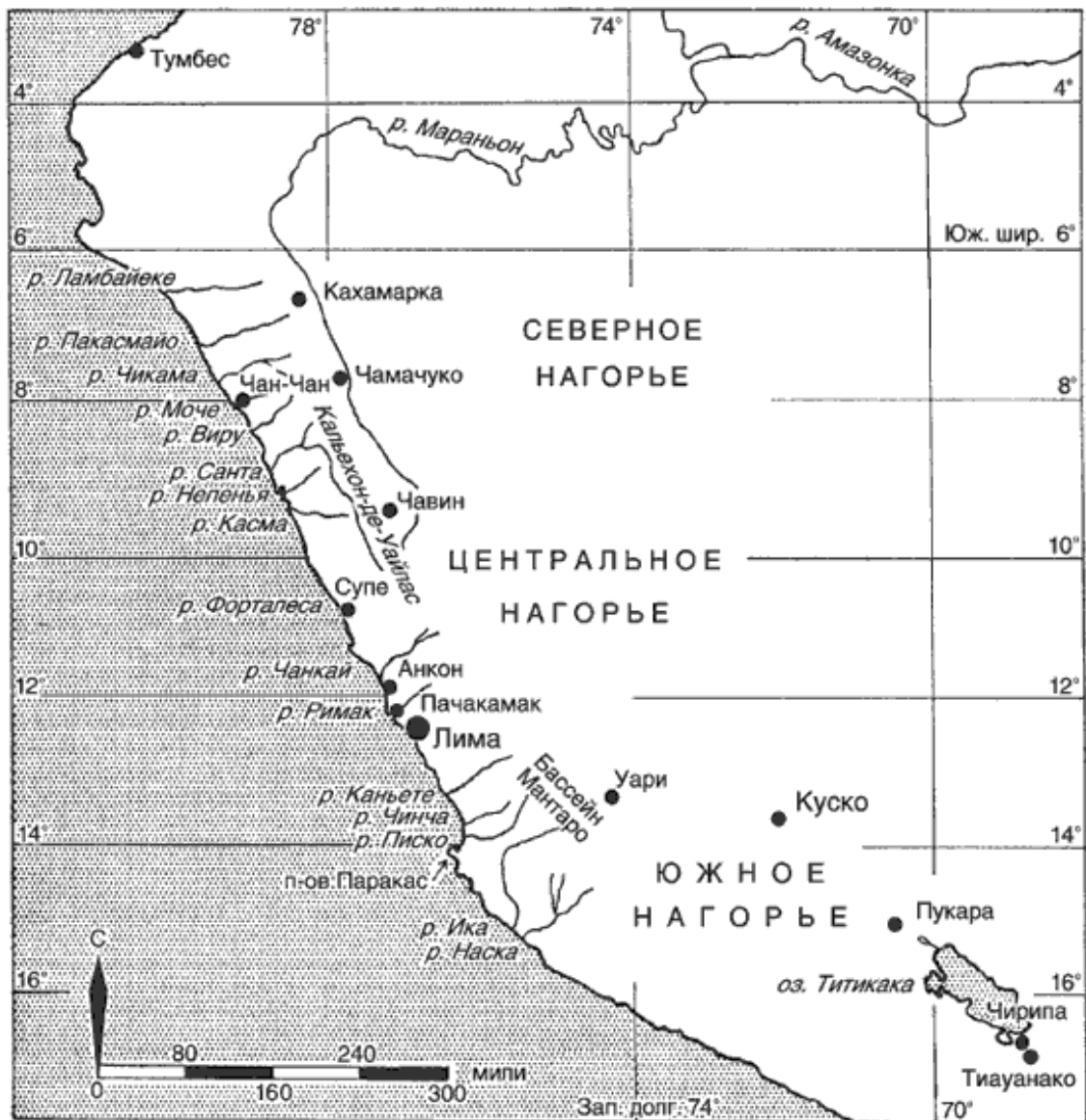

Рис. 1. Карта Древнего Перу.

Жизнь в горах была тяжелее, чем на побережье, и адаптация к суровым условиям низких температур, судя по всему, привела к появлению выносливой расы, что, может быть, объясняет, почему два раза в перуанской предыстории горные народы захватывали и поработали социально более высокоорганизованных обитателей побережья. С другой стороны, у населения на побережье, должно быть, было больше свободного времени, что отразилось, например, в

сложных ритуалах похорон и масштабных общественных работах, наблюдавшихся до тех пор, пока империя инков не объединила страну и не смягчила эти различия.

Мало что можно сказать об области к востоку от Анд. Уровень высот здесь быстро снижается от порядка десяти тысяч футов до менее тысячи, и земля покрывается тропическими лесами; они создают непреодолимое препятствие для примитивного сельского хозяйства – основы жизни и в горной местности, и на прибрежной равнине. Даже в период максимального могущества империи инков только небольшая часть народов нагорья бежала в эту область.

Для удобства описания будет приемлемо поделить и побережье, и горную местность на северные, центральные и южные части. Северное побережье включает долины от крайнего севера до юга долины Касма, центральное – отсюда к югу от Лимы, и на юг приходится все оставшееся. Северные нагорья покрывают бассейн Кахамарки, Кальехон-де-Уайлас и промежуточную область, центр включает в себя бассейн Мантаро, а юг простирается от окрестности Куско на юго-восток в Боливию, за озеро Титикака. Части всех этих областей практически неизвестны археологии, но, очевидно, наименее изученные территории находятся в центральной горной местности и на крайнем севере, как в горных местностях, так и на побережье.

Самой хорошо изученной территорией пока является центральная часть северного побережья, где была подробно исследована долина Виру, и большая работа проделана также в соседней долине Чикама.

Место Перу в Древней Америке

Известно, что испанцы после их прибытия в Новый Свет нашли там две области, выделявшиеся на фоне других территорий, а именно Мексику и Перу. Различие между этими областями и теми, которые окружали их, было главным образом политическим, так как народы Центральной Америки, Колумбии и Эквадора были почти на таком же технологическом уровне, как и народы Мексики и Перу. Везде, где имелись благоприятные естественные условия, они зависели от примитивного сельского хозяйства, ткали, изготавливали глиняную посуду и знали те же самые металлургические технологии. Вероятно, перуанцы превосходили всех других в своем текстильном искусстве, но металлические изделия племен Эквадора, Колумбии и Панамского перешейка были столь же хороши или даже лучше, чем у их более мощных соседей.

С другой стороны, народы вне Мексики и Перу состояли главным образом из маленьких независимых племен, например народы района Кокле в Панаме, делились на множество племен, каждое из них находилось под властью деспотического вождя. Главное исключение из этого правила может быть найдено в бассейнах нагорья вокруг Боготы в Колумбии, где множество родственных племен – *чибча* – управляло ко времени испанского завоевания большой областью, но они слишком много боролись между собой. В любом случае маловероятно, что они могли бы расширить их доминион за пределы собственной области нагорья, даже если бы их продвижение не было прервано европейцами. Долину Мексики в последних столетиях перед прибытием испанцев занимало множество родственных племен. Одно из них, теночкас, обычно называемое ацтеками, находившееся в области Теночтитлан на месте современного Мехико, достигло в довольно нелегкой борьбе доминирования над оставшимися племенами и, когда прибыли испанцы, поработило значительно более широкую область, потребовав выплаты дани от ее жителей.

Ацтекская империя, как ее иногда называют, не приближалась к империи инков Перу по размеру, сплоченности или уровню социальной организации. Последняя, как мы это увидим, была истинной империей с иерархической организацией, достигшей высшей точки в наследном абсолютном правителе, Высшем или Единственном инке, как гласит один из его почетных титулов. В то время как мексиканский Монтесума, которого испанцы считали императором, был на самом деле одним из двух почти равных высших руководителей, выбранных племенным советом, за которым и закреплялась высшая власть. Ацтекское государство со столицей – великолепным городом Теночтитланом – было, однако, высокоорганизованно, их общество показывало высокий уровень разделения труда.

Такой вкратце представлялась картина в XVI столетии, но если мы оглянемся назад в более ранние времена, то увидим, что те же самые области всегда шли впереди своих соседей. Цивилизованная область Мексики включала в действительности гораздо большую территорию, чем сама Мексиканская долина, – весь юг и юго-восток, идущий от этой страны, а также много районов теперешних Гватемалы и Гондураса. Обе эти центрообразующие области, как иногда называют Перу и Мексику, в действительности исследовались более полно, чем соседние, но это в значительной степени объясняется их более богатой археологией, чем в других районах. Многие из других территорий Америки, лежащие к югу от Рио-Гранде, исследовались не так полно, как они этого заслуживают, однако совершенно ясно, что будущие открытия никогда не смогут бросить вызов превосходству культуры Мексики и Перу.

История исследований на территории Перу

Многое из того, что мы знаем об инках и племенах, предшествовавших им, получено из письменных источников, начиная с некоторых испанских авторов и самих инков, видевших эту цивилизацию своими глазами или слышавших о ней из рассказов своих родителей, как, например, Гарцилазо де ла Вега, в жилах которого текла смешанная инкская и испанская кровь. Изучение этих работ, попытка сгладить противоречия между ними и исследование впечатляющих архитектурных руин, оставшихся от времен инков в Куско и в других местах, и обеспечили материал для многих публикаций, включая «Историю завоевания Перу» Прескотта и «Инки Перу» сэра Клемент Маркама, обе они полны ценной информации, хотя и вводят читателя в заблуждение в некоторых важных моментах.

Целью этой работы не является всеобъемлющий рассказ о цивилизации инков, для чего мы отсылаем читателя к другим источникам, особенно к работе Дж. Х. Роу в «Учебнике по южноамериканским индейцам».

Кое-что было давно известно о доинкских культурах, благодаря многочисленным горшкам, остаткам превосходного текстиля и изделиям из золота, меди, древесины и камня, разграбленным из прибрежных могил и так или иначе попавшим в музеи. Но ввиду недостатка письменных свидетельств об этих более ранних периодах попытка смоделировать какую-то хронологию должна была дожидаться начала серьезных археологических исследований. Они стартовали, когда Макс Уле, немецкий археолог и антрополог, начал работу в 90-х гг. XIX столетия и затем продолжал вести раскопки в течение последующих двадцати лет, сначала для университета штата Пенсильвания, далее при патронаже госпожи Фоеб Херст для Калифорнийского университета и, наконец, для перуанского правительства. Многие из его работ так никогда и не были опубликованы, но на основании его собраний и записей, хранящихся в Калифорнийском университете, А.Л. Крёбер и другие издали замечательный ряд публикаций по собранным им коллекциям. Сам Крёбер совершил под эгидой тогдашнего Музея полевых исследований в Чикаго экспедицию в Перу в 1925-м и 1926 гг., дополнив наши знания о различных частях побережья. В то же самое время эквадорский археолог Хасинто Хихон-и-Кааманьо работал в окрестностях Лимы. С.К. Лотроп, чей специальный вклад в перуанскую археологию прежде всего касается области металлургии, также работал там в 1925 г.

К этому времени, в значительной степени благодаря работе Уле, мы узнали, что во всех частях побережья существовали сравнительно древние культуры, особенно культура прото-Чиму, теперь называемая Мочика, на севере и в области Наска на юге, которые были стерты с лица земли возникшей культурой нагорья с ее центром, находившимся, очевидно, в Тиауанако, на боливийской стороне озера Титикака. Позже местные культуры снова появились на побережье Чиму на севере, одни имели некоторые общие черты со своей предшественницей Мочика, а другие же отличались от прежних культур. Но скоро их, в свою очередь, поглотила распространяющаяся культура инков. Все, что осталось от более ранних периодов, – это несколько мусорных куч с раковинами около района Анкон на центральном побережье, по мнению Уле, являвшихся останками примитивного жилья рыбацкого людоедского народа (они считаются принадлежащими к культурному слою Чавин). В это время также стало ясно, что широкие области объединялись и художественными стилями (стилями культурного слоя), продемонстрированными в основном на образцах глиняной посуды и в текстиле, принадлежащих тиауанако и инкам.

Начиная с 1913 г. Хулио К. Тельо, старейшина перуанских археологов, разъезжал по Перу, изучая наиболее недоступные места и попутно собирая большие коллекции. Эта работа, которую он продолжал вплоть до своей смерти в 1947 г., так никогда и не вылилась в детальное исследование, хотя он и издал несколько общих заметок о развитии перуанских культур,

И можно предположить, что много информации так и умерло вместе с ним. Его главный вклад в археологию в действительности же очень большой: это его признание важности и ранняя датировка культуры Чавин, типичным образцом которой является большой храм в Чавине на Северном нагорье. В течение нескольких лет он и Уле спорили о происхождении перуанских культур. Уле поддерживал мнение о том, что все главные культуры Перу прибыли из Центральной Америки морским путем, Тельо же считал, что все они зародились на территории Перуанских Анд. Окончательный ответ на этот вопрос все еще ждет своего решения, но недавняя работа показала удивительно близкие отношения между культурой Чавин и культурами Центральной Америки, хотя многие из утверждений Уле не выдерживают критической экспертизы.

В 1934 г. начался период большой научной активности с экспедиции Уэнделла К. Беннетта в Тиуанако, ставшей первой из наиболее плодотворного ряда исследований, охватывающих многие из территорий Перу и нагорья Боливии. Его работа продолжалась с интервалами до преждевременной смерти в 1953 г., до того момента, когда результаты его последней экспедиции в Уари в бассейне Мантаро были готовы для публикации. В 1940-м и 1941 гг. экспедиция университета Колумбии под руководством Дункана Стронга, одного из партнеров Крёбера в его более раннем исследовании, работала на территории центрального побережья и среди других участков обнаружила крупные руины в Пачакамаке, где прежде трудился Уле. После того как Стронг возвратился домой, Гордон Р. Биллей продолжил раскопки на «примитивных» участках Уле в Анконе и Супе, расширив наши знания о культурном слое Чавин на территории центрального побережья. Тем временем Рафаэль Ларко Ойле со своей семьей спокойно работал на территории своих поместий и вокруг них в долине Чикама на северном побережье. Среди его открытий в этой и соседних долинах – предметы культурного слоя Чавин, помимо двух последующих периодов культуры пре-Мочика он также выделил пять последовательных стадий в самой культуре Мочика. К этим и другим его открытиям относятся множество публикаций, и не меньшим вкладом семейства в науку являются великолепные коллекции, размещенные в музее Рафаэля Ларко Эрреры на гасиенде в Чиклине, где большинство археологов и заинтересованных посетителей имеют возможность наслаждаться радушием и гостеприимством хозяев.

Сразу после Второй мировой войны многие институты Соединенных Штатов в сотрудничестве с Перуанским институтом этнологии под руководством доктора Луиса Е. Валькарсея и доктора Хорхе К. Муэлье дали старт проекту долины Виру. Там было запланировано рассмотреть вопросы археологии, географии и этнологии отдельной области с самого раннего периода и до теперешних времен. Результаты этого успешно осуществленного плана были изданы заинтересованными учреждениями, в результате чего мы теперь и имеем полную, документально заверенную историю одной области, хотя в развитии этих культур осталось еще много неизученного. В этом исследовании участвовали: Беннетт, Биллей и Стронг, о работах которых мы уже упоминали, а также еще Юниус Берд, Клиффорд Эванс, Дональд Коллие, Джеймс А. Форд. Почти в такое же время Джон Роу из Калифорнии провел несколько лет в Куско, где изучал хронологию инкского периода как в библиотеке, так и в полевых экспедициях, и это помимо раскопок доинкских предметов, впервые найденных в этом регионе. Более современные работы включают в себя другую экспедицию на территории Колумбии под руководством Стронга, на сей раз на южном побережье, принесшую важные данные, из которых были опубликованы только резюме, а также исследование области вокруг региона Кахамарки в Северных Андах, проведенное парижанином Хенри Райхленом и его женой.

Несмотря на все уже сделанное, общая картина перуанской археологии все еще полна белых пятен, большие области ее были только едва затронуты, и много работы следует на этом пути проделать.

Датирование и хронология

В результате исследований в долине Виру и работ, осуществленных прежде, стало возможным сформулировать последовательность стадий развития, которая в качестве рабочей гипотезы может быть применима ко всей области Центральных Анд: она позволяет нам считать эту область чем-то единым. Эта схема была сначала выдвинута на конференции, проведенной в музее Рафаэля Ларко Эрреры в Чиклине в 1946 г., и далее разработана и поддержана в следующем году в Нью-Йорке. Общие черты этой схемы будут приведены здесь для разъяснения последующего материала, и некоторые ее детали будут сопровождать дальнейшие главы.

Самые ранние жители Перу были охотниками, часто называемыми ранними охотниками. За ними следовали ранние фермеры – оседлые народы, жилища которых известны пока только на побережье, где они жили, промысляя рыбной ловлей, сбором диких растений и ведением примитивного сельского хозяйства. После этого начался Созидательный период, разделенный на две стадии: первая – теократическая, которую иногда называют периодом Культа, и вторая, характеризующаяся разнообразием развития в различных областях и применением технических новшеств, называемая периодом Экспериментатора. Согласно существующему знанию, период Культа соотносится с культурным слоем Чавин – название, которое будет постоянно встречаться на следующих страницах. После Созидательного идет Классический период, характеризующийся расцветом практически всех доколумбовых ремесел и технологий, а также существованием нескольких процветающих государств, из-за чего он иногда называется периодом Мастера или периодом Процветания. Уже упомянутые нами культуры Мочика и Наска находятся среди культур, принадлежащих к этой стадии. Термин «Классический период» сначала применялся в Новом Свете к подобной же стадии в Центральной Америке, но его точное соответствие по времени и характеру перуанскому Классическому периоду несколько сомнительно. Далее следует Постклассический период, когда было представлено не много технологических изобретений, но зато шло активное политическое развитие. Период имеет три стадии: в первой, называемой периодом Экспансии, культура высокогорья, связанная с Тиауанако, распространяется на большую часть побережья, это продвижение, вероятно, сопровождалось военной силой.

Далее идет период Строителей городов, отмеченный, во всяком случае на побережье, возведением больших городских центров, многие из которых были связаны с уже упоминавшейся культурой Чиму. Наконец, следует Имперский период – время распространения великой империи инков.

ДАТА	НАЗВАНИЕ ПЕРИОДА	ПОБЕРЕЖЬЕ		
		СЕВЕР	ЦЕНТР	ЮГ
1500	Имперский Пост-классический Строителей городов Экспансии	Инка	Инка	Инка
1000		Чиму	Куисманку	Чинча
500		Прибрежный Тиауанако	Прибрежный Тиауанако	Прибрежный Тиауанако
н. э.	Классический Ремесленников, или Расцвета	Мочика	Непрерывный	Наска
до н. э.		Гальиназо или Виру	Негативный	Некрополис
500	Формирующий Экспериментатора Культовый	Салинар или Пуэрто-Мурин	Белое- на-красном	Кавернас
1000		Куписаике	Прибрежный Чавин	
1500	РАННИЕ ФЕРМЕРЫ	Ранние фермеры		Ранние фермеры
2000				
2500	РАННИЕ ОХОТНИКИ Между 3000 и 7000 до н. э.			
3000				
7000				

Рис. 2. Хронологическая таблица перуанских культур.

ВЫСОКОГОРЬЕ					ДАТА
ДАЛЬНИЙ СЕВЕР	СЕВЕР	ЦЕНТР	ЮГ		
			(Куско)	(Титикака)	
Инка	Инка	Инка	Инка	Инка	1500
Уамачуко			Ранний Инка	Местные культуры Чульпа	1000
Тиауанакоидный (Кахамарка)	Местный Тиауанако		Местные стили глиняной посуды	Декадентский Тиауанако	
Курсив (Кахамарка)	Рекуай	Уари	Тиауанако	Классический Тиауанако Пукара	500
				Ранний Тиауанако	н. э. до н. э.
Чавинойдный (Кахамарка)	Белое-на-красном Чавин		Чанапата	Чирипа	500
					1000
					1500
					2000
					2500
					3000

Еще несколько лет назад единственными датами, доступными для перуанской археологии, были некоторые даты, относящиеся к периоду инков, полученные из изучения материалов времен испанского завоевания. В отношении же датировок более ранних периодов существовали только научные догадки. Следующий шаг в этом направлении предпринял Юниус Берд, который в процессе своего участия в проекте долины Виру разработал некоторые критерии оценок норм накопления мусорных куч и естественных отложений, в результате чего дата начала сельскохозяйственной деятельности соответствует примерно 3000 г. до н. э., а

начало изготовления глиняной посуды – 1000 г. до н. э. Последующие события подтвердили правильность выбранного метода исчисления. Для более поздних периодов Джеймс А. Форд сделал оценки, основанные на относительной толщине отложений в долине Виру, но они отодвигают временные рамки датирования описанных событий, как считают многие археологи, на неоправданно долгое время. Предпринималась также попытка датировки некоторых экспонатов Мочика, найденных захороненными в XIX столетии в гуано на различных островах у побережья. Здесь Форд исходил из оценок норм накопления гуано на глубинах, в которых эти объекты были найдены, но эти вычисления основаны на данных XIX столетия, когда гуано уже давно являлось предметом добычи, так что существует некоторое сомнение в надежности этих свидетельств. Для некоторых экспонатов Мочика была определена дата, соответствующая IX столетию н. э.

После того как появился радиоуглеродный способ датирования, все даты, установленные для раннего периода, получили более твердое научное обоснование. На XXIX Международном конгрессе американистов в Нью-Йорке в 1949 г. доктор Б.Ф. Либби из Чикаго объявил первую дату для Американского континента, а именно – приблизительно 800 г. до н. э. для начала периода Чавин на побережье. С тех пор были определены целый ряд дат для ранних фермеров в долине Чикама, несколько дат для Мочика и более ранних периодов в той же самой области и очень немного для южного побережья. Ни одна из дат, относящихся к постмочикским культурам, не была определена. С другой стороны, Роу, изучив записи, относящиеся ко времени после завоевания, настойчиво поддерживает дату, соответствующую 1438 г. н. э. для начала эпохи расширения империи инков.

В целом ранняя часть последовательности, т. е. ранние фермеры и начало периода Чавин, обоснованно датирована, и эти даты являются общепринятыми. То же самое остается верным и для даты расширения империи инков. Ситуация в течение промежуточных периодов не столь удовлетворительна, так как радиоуглеродных датировок не много и они до удивления ранние. Они также находятся в серьезном противоречии с оценками Форда, сделанными для долины Виру. Это лучше всего проиллюстрировано периодом культуры Мочика; радиоуглеродный анализ указывает, что она закончилась в долине Виру где-то после 300 г. н. э. или же, самое позднее, после 500 г. – в то время как Форд помещает эту дату уже на 1150 г. н. э. Некоторые археологи находят эти крайности трудными для принятия, и даже предлагались компромиссные решения, но в ожидании дальнейших измерений я предлагаю принять с должными оговорками уже полученные радиоуглеродные даты и разместить период Мочика где-то в первой половине первого тысячелетия н. э., хотя она, возможно, началась на три столетия ранее. Большой потребностью в настоящее время является достаточное количество измерений, а не предположения. Большинство наших дат пока относятся к северному побережью, где мы также имеем почти полностью выстроенную культурную последовательность, датировка же других областей может быть получена путем сравнения с последней, где прежде всего следует обратить внимание на культурный слой и общий ход развития.

Характер перуанской цивилизации

Прежде чем подробно заняться темой развития цивилизаций Центральных Анд, необходимо сказать несколько слов об их характерных чертах и природных условиях, которые объединяли всю эту область в течение длительного периода времени. Основные особенности этого региона оформились в Созидательном периоде, но своего полного расцвета он достиг позже.

Сначала все основывалось на интенсивном сельском хозяйстве, с использованием инструментов не сложнее, чем палка для рытья земли и мотыга. Выращивалось много растений, главным из которых была кукуруза, которая дает хорошие урожаи на высоте приблизительно 12 000 футов над уровнем моря, но не созревает в более высоких местах. На больших высотах ее место занимал другой злак, называемый куиноа, отличавшийся большей выносливостью. Картофель – также уроженец этой области, имел большое значение повсюду в горной местности. Существенной особенностью была ирригация, она сопровождалась в горной местности террасированием, которое расширяло область культивации и препятствовало почвенной эрозии. Использовались и удобрения, а именно: птичий помет гуано, рыбные отходы на побережье, экскременты лам или человека в горной местности. Продукты питания сохраняли путем засушивания или замораживания. Известный пример подобного способа – обезвоживание картофеля поочередным воздействием мороза и солнца, иногда сопровождаемое прессовкой, что в итоге дает безвкусное вещество, называемое чуньо (chuno), оно, однако, очень охотно съедается жителями высокогорий. Сушеное мясо, называемое чарки (charqui), приготавливалось подобным же способом. Наркотик кока (соса), растущий в долинах на восточном склоне Анд, жевали вместе с известью повсюду в регионе, и нахождение его на побережье – один из факторов, доказывающих существование торговли с горными районами в ранние времена.

В горной местности пастбища лам и альпака, одомашненных американских родичей верблюда, уступали по важности только сельскому хозяйству, но на побережье они жили не постоянно, хотя и нередко встречались на этой территории – их скелеты часто находили в ходе археологических раскопок. Альпака особенно ценились из-за их шерсти, а ламы использовались как вьючные животные (хотя они были способны нести на себе лишь немногим более 100 фунтов), их мясо также употреблялось в пищу, а шерсть иногда использовалась для изготовления грубых видов текстиля. Собака и кави, или морская свинка, были другими одомашненными животными, причем последние являлись главным источником мяса во времена инков. Охота всегда считалась вспомогательным занятием, и в более поздние времена организация охот стала досугом для высших классов. Имеются свидетельства об охоте на оленя, пум и лис, а также диких представителей семейства лам, гуанако и викуний.

Основной социальной единицей того времени была деревенская группа, состоявшая из множества связанных родственными узами семейств под руководством вождя и имевшая свои земли в общем владении. На языке кечуа, когда завоевание инков распространило этот язык на территории вне области Куско, она называлась яллу. На эту основу налагались более сложные типы сообществ, с четкими различиями в социальных классах и выполняемых функциях. Важной характеристикой всех народов Центральных Анд был ручной труд, связанный с очень простым техническим приспособлением, – особенностью, которую они разделяли с другими народами Южной и Центральной Америки. Их ткацкое мастерство было непревзойденным и являлось особой чертой данной области; они использовали и хлопок и шерсть, работая на примитивных ткацких станках. Глиняная посуда была умело оформлена и окрашена, производились и достаточно высококачественные сосуды, но при этом гончарного колеса они не знали. Золото, серебро, медь и их сплавы применялись во многих технологических процессах. А в конце периода была налажена и выплавка бронзы. Среди полезных металлов наиболее заметно отсутствие железа, неизвестного еще в Америке, если не считать тех редких случаев, когда

его получали из метеоритов. Изготавливалось много других предметов из древесины, прутьев и камня. Они использовались в соответствии с необходимостью, как для постройки массивных сооружений, так и для производства самых миниатюрных украшений. В качестве примера необходимо упомянуть прекрасную архитектуру инков – камни сооружений были пригнаны друг к другу столь точно, что между ними невозможно было вставить даже лезвие ножа.

Судя по всему, бытовые изделия типа глиняной посуды и текстиля изготавливались всеми членами каждого семейства, но что касается более совершенных церемониальных предметов, которые, насколько позволяют нам судить имеющиеся у нас данные, производились прежде всего для того, чтобы быть захороненными вместе с мертвецами, то они были работой специальных мастеров.

Более поздние культуры жителей Перу, инков и их непосредственных предшественников, обладали большинством особенностей, расценивавшихся в Старом Свете как признаки цивилизованного сообщества, а именно: полностью налаженное производство продовольствия, наличие городских центров и формальной политической структуры, общественные работы, классы и иерархическое социальное устройство. Развитые культуры периода Мастера обладали большинством этих особенностей, за исключением городских центров, хотя недавние исследования в области Наска, кажется, обнаружили там довольно значительный город. С другой стороны, все культуры Нового Света испытывали недостаток некоторых особенностей, которые сопровождали рост цивилизации в Старом Свете. Железо и гончарный круг уже были упомянуты ранее, и к ним нужно еще добавить отсутствие тягловых животных и соответствующих гужевых средств передвижения. В добавление к этому в Перу не было письменности и даже пиктографического письма Центральной Америки, и хотя, должно быть, были сильны устные традиции, умноженные мнемоническими приемами, например, системой нитей с узелками, называемой кипу, и, возможно, еще и другими, но катастрофа испанского завоевания нанесла по ним большой удар. Результатом является то, что наши знания неосознанных особенностей цивилизации инков, их литературы, законов и других аспектов жизни очень несовершенны, мы почти полностью лишены возможности изучить характерные черты доинковской цивилизации.

Большой интерес к этому региону был пробужден в недавние годы путешествием Тура Хейердала через Тихий океан на плоту «Кон-Тики», предпринятым им в доказательство его теории, что именно Перу сыграло основную роль в заселении Полинезии. Неоспоримый факт, что на перуанском побережье деревянные плоты находились в пользовании еще в древние времена, так как выдвижной киль и рулевые весла, наподобие тех, что используются на современных бальсовых плотах Эквадора и были на «Кон-Тики», найдены при раскопках в могилах, и особенно часто на южной части побережья. Неизвестно, были ли сами плоты построены из теперь используемой древесины бальсы, возможно также, что она была недоступна до того времени, как инки подчинили себе те территории, которые теперь являются частью Эквадора. Преобладающее ныне мнение – что эти плоты использовались для плавания вдоль побережья. Именно этот тип судоходства наблюдали испанцы, когда прибыли в этот регион, хотя находка Хейердалом глиняных черепков северных перуанских прибрежных разновидностей на Галапагосских островах показывает, что они могли путешествовать и на значительные расстояния от побережья. Это, однако, в отличие от проблемы колонизации Полинезии, уже совсем другой вопрос, и теории, утверждающие, что осуществили эту колонизацию все-таки перуанцы, не находят поддержки у большинства серьезных исследователей Океании или Перу.

Везде и всегда в археологии встречались исследователи-чудаки, и Перу в данном случае не является исключением. Идея Перри относительно того, что цивилизация Древнего Египта полностью перенесена на землю Перу, была в значительной степени забыта в свете расширения познаний об этой культуре, но руины Тиауанако в горной местности Боливии все еще вызывали самые невероятные предположения меньше чем десятилетие назад. Эти участки датируются годами в пределах первого тысячелетия н. э., и, судя по всему, не могут быть значительно

старше. Но Перри, исследуя их в изоляции от общего развития перуанской культуры, применял при этом не соответствующие тематике исследования астрономические выкладки и, игнорируя наиболее элементарные факты геологии, серьезно утверждал, что возраст этих руин – четверть миллиона лет и что их разрушили океанские волны в 14 000 футов высотой!

Глава 2

Ранние охотники

Очень немного известно о самых древних людях, населявших Перу, но вопрос этот может быть прояснен, если мы проследим происхождение раннего человека в другом месте на Американском континенте. Первые люди, появившиеся в Новом Свете, должно быть, прибыли из Азии через Берингов пролив в то время, когда основным занятием человека были охота и сбор диких растений. Существовали времена в течение ледникового периода, когда этот маршрут был блокирован льдом, но в другие времена он освобождался, хотя лед в некоторых местах все еще забирал много воды, и из-за низкого уровня моря проливы были или более узкими, чем теперь, или вообще на их месте находилась суша. Большие млекопитающие, подобные мамонту, мастодонту и вымершей разновидности бизона, проникали по этому пути в Америку, проходя через равнины, которые обеспечили их питанием. Человек в поисках мяса следовал за ними, и свидетельства его присутствия в виде каменных дротиков с заостренным концом и других каменных предметов найдены во многих частях Соединенных Штатов, особенно на Великих равнинах, в Мексике и в других местах. Ранний тип дротика, называвшийся фолсомом, был датирован в Соединенных Штатах приблизительно 8000 г. до н. э., но известно, что имеются и другие, более ранние типы, найденные в более глубоких слоях, чем те, в которых был обнаружен фолсом, и отделенных от них характерными отложениями льда. Один из таких слоев датировался периодом, непосредственно предшествующим фолсому, но его продолжительность не определена, и все, что можно о нем сказать в настоящее время, – так это то, что дофолсомские люди, должно быть, жили в Америке, по крайней мере, в 10 000 г. до н. э. и, вероятно, даже ранее.

Раскопки Юниуса Берда в противоположном конце континента, в Южной Патагонии, показали, что человек охотился на ленивца, лошадь и гуанако в этом регионе между 6000-м и 7000 г. до н. э., так что он, получается, жил в Перу еще до этого периода. Его маршрут в Южную Америку мог пролегать только через Панамский перешеек, откуда он мог следовать Каукой или долиной Магдалена в Колумбийские Анды. Отсюда его наиболее вероятный путь на юг в Перу состоял в том, чтобы следовать за горной грядой, так как тропические леса, подступающие с обеих сторон в Колумбии и Эквадоре, представляли собой значительное препятствие как для человека, так и для животных, на которых он охотился. В Перу у скалы близ Уанкайо, в центральной горной части, есть пристанища, которые могут принадлежать этому периоду. В них находят каменные дротики и инструменты типа скребков и лезвий, и в них нет глиняной посуды – и это в регионе, где она представлена в избытке, следовательно, представляется логичным расценить эти пристанища скорее как докерамические, чем просто как площадки более позднего времени, в которых отсутствует керамика. На побережье северной пустыни Рафаэль Ларко и Юниус Берд нашли места «цехов», где изготавливались дротики и другие орудия, в Ла-Пампа-де-Лос-Фосилес и других участках между долиной Чикама и Пакасмайо на севере от нее. Дротики обычно имеют короткую рукоятку и могут быть длинными и ланцетовидными, но чаще они сохраняют более или менее треугольную форму. Некоторые из них выполнены довольно необычным способом – из тонкого слоя ровного кремнистого известняка, и требовалось всего лишь придать им необходимую форму.

Там также были найдены грубо изготовленные скребки и лезвия. Хотя нет никаких стратиграфических признаков возраста, присутствие техники лущения в регионе, где ее нет позднее, делает практически неоспоримым тот факт, что эти участки должны быть приписаны группам ранних мигрантов, оставивших суровую холодную горную местность ради более теплого и, несомненно, более влажного климата побережья. Хотя также вероятно, что будут най-

дены и другие участки ранних охотников, но они, судя по всему, должны встречаться нечасто, поскольку население в это время, состоявшее из кочевых групп, было, очевидно, чрезвычайно маленьким.

Недавняя работа Дункана Стронга, посвященная южной прибрежной области и изданная только в виде краткого резюме, продемонстрировала присутствие подвергнутых пескоструйной обработке каменных инструментов, включая дротики, скребки из обсидиана и ножи, а также множество обсидиановой стружки в кучах с раковинами в заливе Сан-Николас, расположенном к югу от Наска. В них также много моллюсков, костей рыб и морских львов, что указывает на стадию, когда охотники поняли возможность добычи питания из моря и смогли предпочесть ее какой бы то ни было форме сельского хозяйства.

Глава 3

Ранние фермеры

Вдоль перуанского побережья есть несколько участков, которые являлись местом жительства людей, сильно отличавшихся от ранних охотников. Мы не представляем, откуда они были, но знаем, что эти люди – первая связь в цепи развития, продолжавшегося вплоть до времени испанского завоевания в XVI столетии. Самые ранние признаки их присутствия могут быть датированы приблизительно 2500 г. до н. э., и мы пока не знаем ничего о том, что происходило в Перу между первым появлением ранних охотников и этим периодом. Такие участки представляют собой мусорные кучи, насыпи, сформированные накоплением мусора вокруг жилья, и по крайней мере в одном из таких мест сухой климат и отсутствие грунтовых вод позволили всем артефактам, подверженным быстрой порче в обычных условиях, хорошо сохраниться, так что мы имеем полную коллекцию вещей, принадлежавших этим людям. Один такой участок находится около Пакасмайю, два – в долине Чикама и еще один – в долине Виру. Имеются и еще участки, о которых мало что известно и написано, к югу от Лимы и в окрестностях Наска. Один из тех, что находятся в долине Чикама, – Уака-Приета – тщательно изучался Юниусом Бердом, работа которого в Патагонии и в других местах уже была нами упомянута, и этот труд дал нам самый большой объем информации, которую мы имеем об этом периоде. Участок находится в устье долины, на правом берегу реки, на высоте приблизительно 40 футов. Долина эта, должно быть, выглядела не совсем так, как теперь: отсутствовала ирригация, растительность долины естественным образом ограничивалась влажными областями, орошаемыми извивающейся рекой, и, возможно, на меньших высотах там располагались болота и лагуны. Слово «уака» на языке кечуа относится к некоторым действиям и объектам поклонения и в настоящее время применяется к любой древней насыпи, или руинам, или даже к глиняной посуде из могил. И название Уака-Приета, или Темный Уака, относится к его необычному темному цвету, который объясняется наличием органических остатков, так как этот участок, по сути, является просто мусорной кучей, а не искусственной пирамидой, каких много на побережье. Он имел дурную славу среди местных уакерос, или грабителей могил, которые решили оставить этот участок потому, что они не нашли там ни единого горшка. Но когда Берд занялся поисками возможных докерамических участков, Рафаэль Ларко обратил его внимание на Уака-Приета, что и дало замечательные результаты.

Мусорная куча имеет толщину около 12 метров, или 40 футов; тщательно отобранные из нее образцы подвергались целой серии радиоуглеродных анализов, на данный момент самых современных и точных. Полученные даты располагаются где-то в промежутке между 2500-м и 1200 гг. до н. э., составляя, таким образом, норму накопления, равную одному метру за столетие. Люди того времени жили главным образом за счет продуктов моря; они собирали моллюсков, а поскольку в их улов входили и глубоководные мидии, то, надо полагать, эти люди были хорошими пловцами. Они также ловили рыбу неводом, сети которого имели поплавки, сделанные из бутылочной тыквы, а грузила – из булыжников с проделанными в них отверстиями. Подобные сети все еще используются в этом районе теми, кто выходит в море во время отлива, поскольку их применение не требует обязательного наличия лодки. На участке найдены кости нескольких морских млекопитающих, а именно морских львов и морских свинок, но среди них нет останков никаких животных суши, не обнаружено также никакого охотничьего оружия. Другим источником пищи были растения; дикорастущие растения просто собирали, но было и несколько культивируемых, включая семейство тыквенных, бобовые, жгучий перец и различные клубни и корни. Кукуруза же – основной пищевой продукт более поздних времен – была совсем неизвестна. Хлопок использовался весьма широко, и предполагается,

что он для этого специально выращивался. Это предположение вызвало большое количество обсуждений и споров, так как некоторые генетики полагают, что хлопок с Американского континента содержит азиатский компонент, который, как они полагают, очевидно, был внесен туда людьми, пересекшими Тихий океан на своих лодках. Какого мнения относительно трансокеанских путешествий мы бы ни придерживались, все равно приходится признать, что 2500 лет до н. э. – слишком ранняя для этого дата. Родиной поплавок из бутылочной тыквы некоторые тоже считают Старый Свет, тут только нужно обратить внимание на то, что возможность естественного произрастания этих двух растений в Новом Свете в подходящих климатических условиях в третичный период серьезно не изучалась.

Ткани, мешки и рыболовные сети изготавливались из хлопка и лубяного волокна, получаемого из разновидности молочая. Волокна пряли вручную, поэтому они сильно отличались друг от друга по толщине; при этом не было найдено никаких прядильных приспособлений и веретен. Не использовалось и такое приспособление для тканья, как ремизка с галевом, и ткани делались вручную, в основном методом свивания; им и исполнены три четверти исследованных образцов. Сравнительно малая часть образцов имела в своей структуре переплетение-штопку, напоминающее основу в тканях, изготовленных с использованием ремизки, но и эта техника почти всегда встречается в комбинации со свиванием. Костяные иглы, возможно использовавшиеся при такой штопке, находятся среди предметов, найденных на участке. Украшение почти всегда выполнялось путем изменений в переплетении нитей основы, иногда в комбинации, пусть и весьма ограниченной, с нитью другого цвета, например комбинированием естественно белых и коричневых оттенков хлопка с добавлением окрашенной синей нити. Иногда еще в нитки или в уже готовое изделие втирался красный пигмент, хотя это случалось нечасто. К отделочным элементам можно отнести полоски, волнообразные переплетения, наиболее часто встречающиеся в сплетенных образцах. Последний прием мог сопровождаться использованием нитей другого цвета, причем эта техника позволяла достигать однотонного эффекта на лицевой стороне, тогда как нити другого цвета прятались на изнанке.

Эта техника в комбинации со свиванием весьма характерна для обсуждаемого периода и за всю историю перуанского ткачества нигде больше не встречается. Все найденные образцы имеют только прямоугольную форму, некоторые всего лишь площадью в пять квадратных дюймов, другие же могут достигать пяти футов в длину и четырех в ширину, но ни первые, ни последние нельзя с полным правом отнести к предметам одежды, хотя некоторые из них, возможно, могли использоваться как платки. Циновки из тростника изготавливались аналогичным свиванием, так же делались и корзины, но в круговую корзинных изделий не плели. Среди техники плетения одной нитью был способ плетения петлей-восьмеркой, он использовался для изготовления сетей и мешков. Для узелковых сетей применялся грубый морской узел, продолжавший использоваться и в более поздние времена и до сих пор все еще широко распространенный в Южной Америке. Здесь следует отметить тот факт, что в Полинезии изделий с таким узлом не найдено, хотя там должны были его знать, если принять во внимание, что эти острова заселяли люди, прибывшие туда на плотках «Кон-Тики» из Южной Америки. Изделия из древесной коры, подобные тканям, обнаружены в малых количествах, что представляется довольно странным, поскольку именно этот материал скорее ассоциируется с тропическим лесом, чем с растительностью побережья, где нет никаких деревьев с подходящей корой.

Как уже было отмечено, жители Уака-Приета и других подобных мест не имели никакой глиняной посуды. Видимо, они жарили свою пищу на горячих камнях или же варили в емкостях, сделанных из тыквы, бросая в этот своеобразный котел горячие камни. Все найденные каменные орудия очень грубого исполнения. Отколотые от цельного пласта породы скребки и лезвия никоим образом не напоминают остроконечные заточенные орудия ранних охотников. Если бы исключительно сухой климат не помог сохранить подверженные порче материалы, мало что уцелело бы от этого времени в нижнем слое культурных отложений, кроме этих

инструментов и рыболовных грузил, и тогда мы бы имели абсолютно неправдоподобную картину жизни этих людей.

Подземные жилища, состоящие из одной-единственной комнаты, обычно овальной формы, обложенной булыжником и покрытой на уровне основания земли крышей, состоящей из балок из древесины или китового уса, засыпанных камнями и замазанных глиной, были найдены в верхней части мусорной кучи. Подобные сооружения, выложенные прямоугольными глиняными кирпичами, называвшиеся в Перу саманными, найдены в долине Виру на участке, где в ближайших окрестностях нет камней. Ранние могилы в Уака-Приета представляли собой простые ямы, более поздние же походили на описанные выше комнаты. Могильных предметов было не много – что-то наподобие нитяного мешочка, содержащего несколько засушенных листьев и цветов. Один раз попала жвачка из коки, что наводит на размышления, так как в наше время жевательная кока считается лекарственным средством от некоторых недугов, например от болезней почек и зубной боли. Видимо, тогда уже существовал зачаток идеи, в более поздние времена облекшейся в форму сложных похоронных ритуалов, когда мертвые могли забирать с собой кое-что из мира живых.

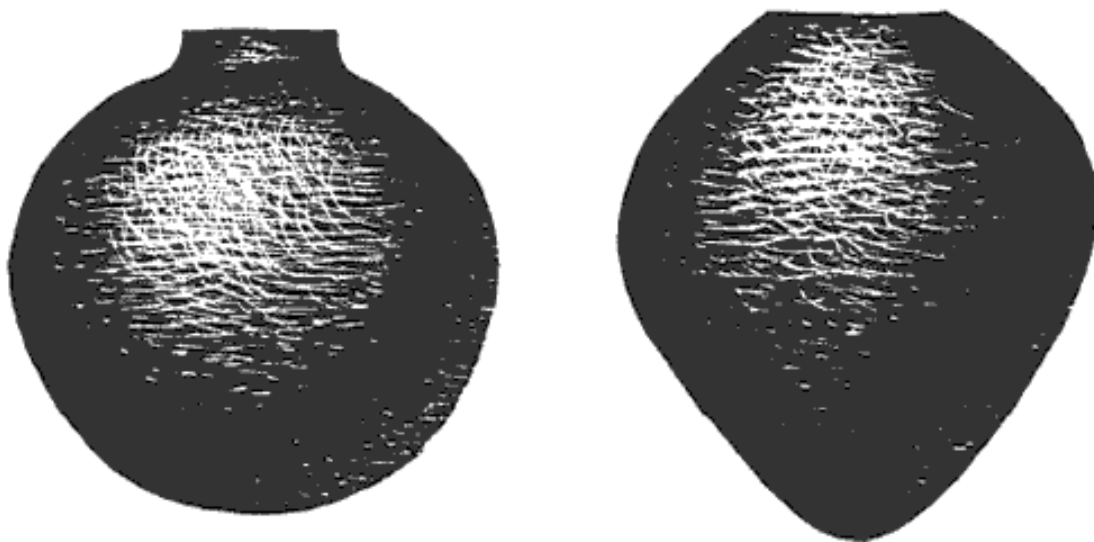

Рис. 3. Бытовая посуда самого древнего типа с северного побережья, относящаяся к стадии ранних фермеров – после XII столетия до н. э. и к Чавинскому периоду. Простые, без украшений изделия красного или черного цвета. Высота от 1 фута до 1 фута 8 дюймов.

Я назвал этих людей ранними фермерами, но, возможно, наиболее подходящим названием для них было бы ранние садовники. Их сельскохозяйственные работы если и велись, то в чрезвычайно малых масштабах, и нет никаких свидетельств того, что они разводили домашний скот, хотя не подлежит сомнению тот факт, что они практически повсюду держали собак.

Приблизительно к 1200 г. до н. э. арсенал ручных орудий труда пополнился, хотя это не внесло каких-либо существенных изменений в жизнь людей; и именно по этой причине я предпочитаю относить этих людей скорее к ранним фермерам, чем к последующей стадии, как сделали некоторые авторы. Наиболее важным новшеством того времени стала глиняная посуда, но одно из ее главных преимуществ, а именно использование для приготовления пищи, было поначалу понято и оценено не всеми жителями, и емкости из тыквы в качестве кухонной посуды еще какое-то время оставались в ходу.

Горшки представляли собой простые сосуды овальной формы, чье единственное украшение состояло из полосок глины, которым придавалась зубчатая или волнистая форма. Цвет варьировался от обычного красного до темно-коричневого или черного – такая цветовая изменчивость свидетельствует о крайне несовершенном контроле за подачей кислорода при обжиге. Другими образцами глиняных изделий были клейма, плоские или цилиндрические, служившие, вероятно, для нанесения на тело рисунков и изготовления отдельных деталей различных предметов, встречались также отполированные гагатовые украшения, возможно зеркала, а также бусинки из раковин и кости. В мусоре также найдены костяные таблички и трубочки из костей птицы, которые, как полагают, служили своего рода табакерками. Подобные предметы для схожих целей часто находят и в культурных слоях более поздних периодов; нюхательный порошок изготавливался из семян дерева под названием *Piptadenia*, реже из табака. В качестве интоксиканта для шаманов или просто как стимулирующее средство он все еще используется многими южноамериканскими племенами. В общем, было найдено большое количество предметов, доказывающих, что люди того времени проявляли больший, чем ранее, интерес к тому, что не было непосредственно связано с каждодневной борьбой за существование. Наблюдался прогресс и в области строительства, стали возводиться надземные постройки из саманных блоков различной формы. Самые ранние из них представляли собой вертикальные цилиндры, монолитные или состоящие из тонких дисков с заполненными глиной промежутками. Стены же более поздних зданий содержали конические элементы, уложенные боком в два ряда так, что их вершины смыкались друг с другом.

Вся эта информация о ранних фермерах получена благодаря раскопкам Берда в долине Чикама и дополнена находками Стронга и Эванса в Виру. Но скоро она пополнится новыми данными, полученными Стронгом из недавно обнаруженных им районов древних поселений на южном побережье близ долины Наска. А пока мы знаем про них только то, что это глубоко залегающие кучи культурного мусора раннего периода, и в их нижних слоях, судя по всему, нет изделий из глины, тканей и растений, напоминающих те, что найдены в долине Чикама.

Глава 4

Созидательный период

Термин «Созидательный период» первоначально использовался для того, чтобы описать ранние стадии цивилизации в Центральной Америке, но он также применялся и для Перу, чтобы описать культуры, находившиеся на почти таком же уровне. В обоих случаях это было самое начало времени полного расцвета древних американских цивилизаций, отличающихся друг от друга лишь по степени развития, но похожих в общих определяющих чертах. В Центральной Америке процесс начался раньше, чем в Перу, так как о сельскохозяйственных народах, живших в деревнях и создававших качественную глиняную посуду, знали в Мексике уже примерно к 1500 г. до н. э. Они выращивали кукурузу – растение, дающее хорошие урожаи по отношению к потраченному на него труду, так что у людей оставалось много времени, свободного от производства продуктов питания. Важность кукурузы в высокоразвитых цивилизациях Америки трудно переоценить: было подсчитано, что индейцы майя на полуострове Юкатан, работая лишь в течение 48 дней в году, могли выращивать достаточное количество продуктов для того, чтобы поддерживать себя и свои семьи, правда за исключением обеспечения пропитания домашних животных.

Это число дней могло меняться в различных местах, и избыточного времени не могло быть так уж много на ранних стадиях развития сельского хозяйства, но все же это хорошо иллюстрирует потенциальные возможности культивирования кукурузы.

Ранний созидательный период, или период Культа

Кукуруза появилась в Перу одновременно со сложной формой глиняной посуды для церемониального использования и религиозным культом, который, вероятно, установился около 1000 г. до н. э. и несколько позднее, примерно в IX столетии до н. э., потребовал постройки внушительных зданий. Все известные участки раскопок этого периода принадлежат отдельной форме культуры Чавин, северная прибрежная разновидность которой иногда называется Куписнике. Есть некоторые причины полагать, что новые черты этой культуры были делом иммигрантов. Древние обитатели продолжали жить на территории некоторых из их первоначальных участков, где их присутствие может быть выявлено постоянством старых типов бытовой глиняной посуды, но вновь прибывшие народы навязали последним свою религиозную систему. Продовольствие, получаемое из моря, в то время было все еще важным, и некоторые поселения, оставившие после себя большие объемы культурного мусора, все еще находились на побережье. Другие располагались по краям речных долин, но их центральные части, которые позже стали столь важными, были все еще не заняты, вероятно, потому, что фермеры пока не могли справиться с зарослями и болотами, окаймлявшими реки. Мусорные кучи в Анконе и Супе, на центральном побережье, чуть к северу от Лимы, находились на значительном расстоянии от любой культивируемой земли, но, в случае с Анконом, расстояние в 10 километров от моря, должно быть, перевесило это неудобство. Современные перуанские индейцы преодолевают близкие и длинные расстояния пешком, и их предшественники, вероятно, делали то же самое.

В долине Виру, единственной области, где серьезно изучались постоянные поселения, население было маленьким и участки небольшими. Сохранилось не много целых зданий, в основном же это закрепленные в глине грубые каменные основы нескольких маленьких прямоугольных или неправильных по форме комнат. Горшок в форме дома представляет собой прямоугольное остроконечное здание с тонкими стенами, но более толстым основанием и соломенной крышей. Стены этих зданий сделаны, вероятно, из самана или тростника. Подземные здания, схожие с сооружениями более раннего периода, но выровненные саманом вместо булыжника, все еще строились в Уака-Приета в долине Чикама.

Маловероятно, но даже к концу этого периода хоть какое-нибудь развитие ирригации и культивирование растений наблюдались в маленьких, расчищенных под пашню, исключительно благоприятных для сельского хозяйства местах, не обязательно находившихся около жилья. В дополнение к кукурузе культивировались новые растения – арахис, аллигаторова груша (авокадо), тыквы и маниока. Люди имели собак, так, например, мумифицированные останки маленькой собачки коричневого цвета были найдены на кладбище в Супе. Там находили и лам, к тому времени уже почти совсем одомашненных, о чем тоже свидетельствуют раскопки в Супе, а на церемониальном участке в долине Виру были также обнаружены и останки жертвенных животных. Их присутствие доказывает, что между жителями этих мест и теми, кто жил в горах, существовала связь, так как ламы не живут постоянно на побережье, и это свидетельство находит свое подтверждение в присутствии их шерсти в текстильных изделиях более поздней части этого периода.

Сохранилось относительно немного образцов тканей этого времени, и в основном все они выполнены из хлопка. Подавляющее большинство из них – прямоугольные куски миткалевого переплетения с разными дополнениями, например, когда одна отдельно взятая нить основы переплетена сразу с двумя нитями утка и наоборот, или же две нити основы переплетаются с двумя же нитями утка. Наиболее распространенные образцы имеют окрашенные полосы основы, но встречаются также и окрашенные полоски утка, и клетчатая материя, представляющая собой комбинацию и того и другого. Рисунок уголками, создающими прямоуголь-

ный орнамент, достигался введением добавочных нитей или использованием лоскутов по типу гобеленной техники, хотя настоящие гобелены, в которых уток покрывает собой основу, встречаются редко.

Разноцветные лоскуты соединялись вместе переплетением соседних нитей утка, обвиванием их вокруг общей нити основы или же отделялись друг от друга разрезами келим (kelim), все эти особенности характерны для более поздних гобеленов. В Супе обнаружили несколько замечательных образцов, выполненных в истинной технике гобелена, с изображением головы, объединяющей в себе черты кондора и кошки, что является типичным для чавинского стиля. Довольно необычны гобелены с хлопковым утком, поскольку закрыть такими нитями основу весьма затруднительно, и в более поздние периоды для этих целей использовали шерсть. Другой тип ткани – марля, но ее находки очень редки. Станочное ткачество было в то время обычным явлением, и метод свивания, как самый обычный для изготовления плетеных изделий, похоже, совсем вышел из употребления. В отличие от техники, применяемой ранними фермерами, используемые нити теперь пряли, для чего использовали глиняное веретено.

Исходя из тех небольших свидетельств, которыми мы располагаем, можно предположить, что одежда этих людей была весьма примитивна. Текстильные изделия, найденные в могилах, представляют собой всего лишь прямоугольные саваны. Один горшок, найденный Ларко на кладбище северного побережья, изображает человека в набедренной повязке и в головном уборе; другой, изображающий кормящую мать, не совсем ясен, но все же можно разглядеть, что верхняя часть тела была голой, если бы не головной убор, похожий на вуаль, спадающую на спину. Возможно, люди наносили на тело татуировки, так как глиняные клейма для этого также были найдены в могилах.

Далее мы рассмотрим их церемониальные центры, религию и искусство. Основной объект поклонения людей – кошачий бог, прототипом которого, должно быть, являлась пума, или ягуар, или, возможно, оба этих животных сразу. Ягуар живет только в тропических лесах, но пума обитает на всей территории Южной Америки, так что в целом более вероятно, что именно пума поражала воображение народов нагорья и побережья.

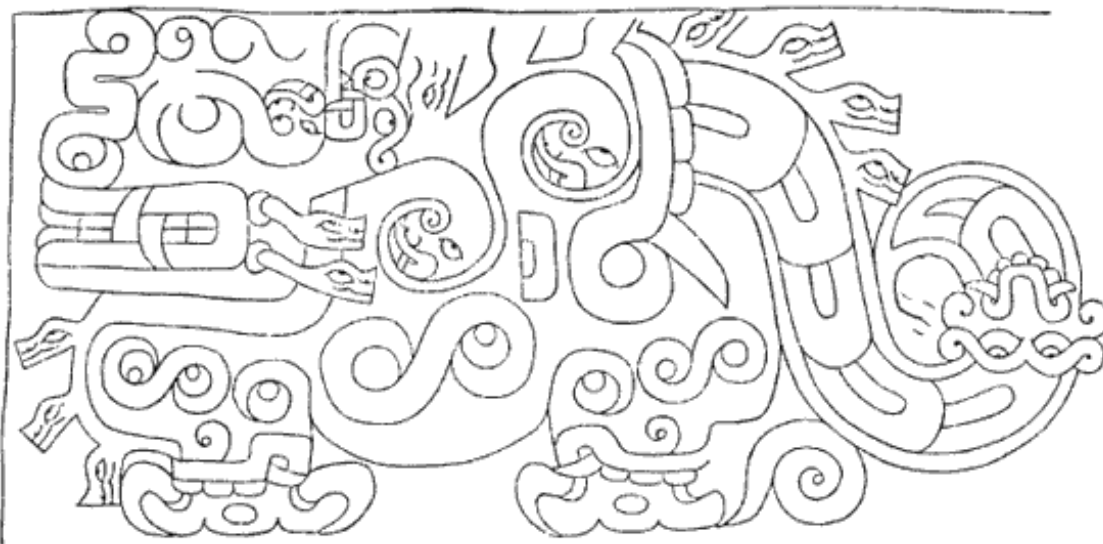

Рис. 4. Кошачий бог с украшениями в виде змеиных голов. Гравировка на каменном фризе в Чавине. Длина 3 фута и 3 дюйма. (По данным Беннетта.)

По сравнению с обычными жилищами по крайней мере некоторые из религиозных зданий были большими и впечатляющими, хотя вокруг них селилось мало народу. Предполага-

ется, что храмы строились сравнительно небольшим числом квалифицированных мастеров, а в сборе и подготовке материалов им помогали большие массы людей, которые собирались время от времени на религиозные праздники. Индейцы Анд всегда очень увлекались подобными паломничествами, святыни в Копакабана в Боливии являются общеизвестным тому примером, и разумно полагать, что эта привычка сохранилась с ранних времен.

Наиболее известный из подобных центров находился в Чавин-де-Уантар, давшем свое имя культуре Чавин. Он лежит у притока реки Мараньон, к востоку от водораздела, ограничивающего Кальехон-де-Уайлас, в северной горной местности и представляет собой массивные здания прямоугольной формы, похожие на платформы, расположенные вокруг центрального двора. Они перемененно облицованы толстой и тонкой кладкой из тесаного камня, в которые насажены на шипы массивные человеческие головы с кошачьими клыками. Здания испещрены галереями и палатами на втором или третьем уровне и связаны между собой лестницами и скатами.

С этого участка было взято много высеченных из камня фигур, и все они в некоторой степени наделены кошачьими чертами, в основном клыками и когтями. Другая группа предметов состоит из плит с гравированными рисунками, главным образом с упавшего фриза, который прежде окружал здания; и, кроме простых кошек, на них можно увидеть причудливые сочетания кошек с другими животными – например, в форме кондоров и змей с кошачьими клыками. Наиболее примечательной в этом плане является высокая стела, известная как камень Раймонди и находящаяся теперь в Национальном музее в Ла-Магдалена-Виеха, около Лимы. На стеле изображена фигура с кошачьей мордой, держащей по одному искусно сделанному посоху в каждой когтистой руке. От ее головы исходит чудовищный придаток, поднимающийся вверх и состоящий из ряда фантастических морд с кошачьими клыками и выглядывающих с обеих сторон змей. В одной из галерей здания Тельо обнаружил стоящий камень, по форме более или менее напоминающий сужающуюся книзу призму с выгравированной кошачьей мордой с клыками и другими характерными особенностями.

На этом участке также была найдена глиняная посуда, и в целом она имеет довольно простые формы, где наиболее типичен открытый шар с плоским дном, хотя кувшины с узким горлышком или бутылочные формы также весьма обычны. Более сложная форма посуды, например, с U-образным носиком, которая будет описана в связи с участками северного побережья, тут является редкой. Все изделия монохромные, красного, коричневого или черного цвета, они могут быть украшены надрезами, царапинами, нанесенными ногтями, ровными рядами проштампованных точек, нанесенными кистью черточками или же накладными полосками. Узоры, выполненные с применением этих техник, обычно геометрические, типа треугольников и прямоугольников или же кривых линий, и в последнем случае они могут быть частями природного орнамента, который не может быть увиден на этих фрагментах. Часто встречаются также такие элементы, как точка и круг. Эти узоры могут быть сделаны с помощью штриховки, перекрестной штриховки¹ или штамповки. Изменчивость в цвете изделий объясняется недостаточной и неравномерной подачей кислорода в процессе обжига, хотя, несмотря на это, посуда тверда и хорошо обожжена.

Изолированные каменные скульптуры, связываемые с культурой Чавин, были найдены в различных частях северного горного массива, но наиболее важный участок этой области лежит вне самого Чавина в верхней части бассейна реки Хекетепеке – Кунтур-Вази. Сведений о нем почти нет, известно только, что он представляет собой трехскатную пирамиду, венчающую холм и ранее поддерживавшую храм некоей неопределенной формы. Отдельные резные орнаменты, найденные около этого места, связаны с предметами из участка Чавин, так же как и

¹ Перекрестная штриховка – закраска области или всего изображения с помощью шаблона, образованного пересекающимися линиями. (Примеч. пер.)

глиняная посуда чавинского типа. В могилах там были найдены золотые украшения с кованым рельефом и бирюзой, но пока неясно, являются ли они современными предметам из участков Чавин. Глиняные черепки обобщенного чавинского типа были найдены в малых количествах в самых низких стратиграфических уровнях в бассейне Кахамарки, расположенной на восток по водоразделу от водосборного бассейна Хекетепеке, но помимо надрезов они украшены еще и красно-белой живописью, и поэтому очень вероятно, что они принадлежат немного более позднему периоду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.